

УРОКИ МАСТЕРОВ: МИФ В ПРОЗЕ Б.М. КАНАПЬЯНОВА И Ч.Т. АЙТМАТОВА

Когай Э.Р.

к.ф.н., доцент КазНУ им. аль-Фараби,
г. Алматы, Казахстан

Мифы, притчи, легенды, сказания народов, населявших просторы Центральной Азии, всегда были живым источником духовной культуры. Древние мифологические образы, тотемы, знаки древних племен и сегодня живут в декоративном и ювелирном искусстве, в орнаментах, часто стилизованные до неузнаваемости, они отражают представления древнего человека об устройстве мироздания, о природе, о происхождении народов. Будучи важнейшим видом донаучного представления о мире, настоящей сокровищницей для фольклора и художественной литературы, непосредственным предшественником религиозной и философской мысли, миф, а вместе с ним и народные сказания, притчи, легенды используются и переосмысливаются в современной литературе.

Произведения Б. Канапьянова «Тамга тас (Мияно Ясуши)» [1] и Ч. Айтматова «...И дольше века длится день» [2], «Белый пароход», «Пегий пес, бегущий краем моря» [3], ставшие классикой казахской и киргизской литературы, мифологичны по сути. В своем творчестве мастера слова обращаются к мифу, подвергая его индивидуально-авторскому переосмыслению с целью выражения вечных философских вопросов, прежде всего вопросов, связанных со смыслом человеческого существования, предназначения человека, отношения человека к прошлому, истории, культуре.

Вплетаясь в психологически тонкие и трогательные истории жизни простых людей, мифы несут особую смысловую нагрузку, помогают выразить авторскую интенцию [1, 2, 3]. История маленького мальчика-сироты, поверившего в легенду о Рогатой матери-оленихе [3]. История о рыбаках-нивхах, заблудившихся в Великом тумане и призывающих утку Лувр указать сторону, где находится земля, а также мечтающих о встрече с Рыбой-женщиной [3]. Описание дня, вместившего целую жизнь, когда Едигей собирал в последний путь старика Казангана, а потом на своем верблюде Каранаре возглавил скорбный караван на кладбище Ана-Бейит, название которого связано с сарозекской легендой о трагической судьбе матери Найман-Ана [2]. История японского военнопленного, которого судьба закинула на берега высокогорного озера Иссык-Куль, где он соприкоснулся с легендами киргизского народа о яке, архахах, сырттанах [1]. В этих простых историях повседневная реальность тесно переплетена с мифами, легендами, притчами. Соприкасаясь и взаимодействуя, два художественных пласта – реалистический и мифологический, в которых, кстати, оба писателя чувствуют себя абсолютно свободно – создают мощный подтекст произведений, выражающий авторское мироощущение.

Благодаря мифам и легендам, искусно вплетенным в ткань художественного повествования, рождается второй глубинный план произведений. Осмысление его подводит читателя к пониманию того, что природа – мать всего сущего на земле, что жизнь человека тесно связана с природой, что между разными поколениями и разными народами существуют духовные культурные связи, которые объединяют людей, что существует невидимая нить, связывающая прошлое с настоящим, и пока эта нить не прервалась, у людей остается шанс не превратиться в «манкуртов – рабов, не помнящих своего прошлого» [2, 387]. Забвение этих простых истин, живущих в мифах, сказках, легендах, по мнению писателей, может привести к нравственным потерям, к господству «волчьего времени», в котором «нет места псу, коню и человеку» [1, 118], нет места сказке [3, 191].

Б. Канапьянов называет Ч. Айтматова своим учителем. Именно по его роману «Буранный полустанок (...И дольше века длится день)» он «сверял в будущем свои поступки и свое творчество» [1, 151]. Именно известному киргизскому писателю он посвятил стихотворение «Земная баллада о космосе» [1, 153-154]. Именно Ч. Айтматова он именовал не иначе как «Мастер» [1, 188]. У мастера он многому научился и многое перенял. Перенял многоплановость и философичность повествования. Перенял стремление к глубине повествования. Перенял метод передачи духовно-нравственных истин посредством использования мифов и легенд родного народа.

Повесть «Тамга тас (Мияно Ясуши)» – своеобразное продолжение айтматовских традиций в центральноазиатской литературе. Реальная история жизни японских военнопленных переплетается с мифом о великом Тенгри, который смотрится в бирюзовую гладь древнего озера Иссык-Куль [1, 123], легендой о старом яке, спустившемся с крутых снежных вершин умирать к священным водам Иссык-Куля [1, 67-68], сказкой-притчей о сырртанах [1, 44-49], притчей о спасении детей [1, 39-44], легендой об иссык-кульских ветрах Санташ и Боом-Улан [1, 84-85].

Писатель отмечает, что его книга «Тамга Иссык-Куля», в которую вошли повесть «Тамга Тас (Мияно Ясуши)», фотопозма «Иссык-Куль – небесное око земли», цикл стихотворений «Тамга Иссык-Куля» и статья «Памяти Чингиза Айтматова (Уроки Старых Мастеров)» [1], «...была бы далеко неполной без образа яка, без его величественной и неспешной поступи по высокогорному ущелью» [1, 174]. Легенда о яке отражает философскую квинтэссенция вечности бытия Б. Канапьянова.

Як (по-киргизски «топаз», по-алтайски «сарлык», по-казахски «кодас») – благородный обитатель высокогорья. Неприхотливый, сильный и выносливый, он незаменимый помощник людей. «Одомашненные тысячелетие назад, они веками использовались в качестве вьючного скота, заодно давали кожу, шерсть, мясо и молоко. Даже навоз этих животных там, высоко в горах, где нет никаких деревьев и кустарников, шел на топливо. Без яков существование многих горных народов, в том числе и кыргызов, было бы невозможным» [1, 64]. Як – священное животное для многих горных народов. На Тибете, в горах гобийского Алтая, Тянь-Шаня, Памира, в степях Семиречья это благородное

животное почитали с древних времен. Свидетельством тому служит изображение яков на ритуальных предметах (курительницах, жертвенниках), на оружии и доспехах, предметах обихода. [4, 67]. Подобные декоративные изображения искусствоведы относят к так называемому «звериному стилю».

«Понятием «звериный стиль» принято обозначать широко известную изобразительную манеру скифских, сарматских, сако-массагетских мастеров-художников первой половины – середины I тысячелетия до н.э.» [4, 63]. Изделия, выполненные в «зверином стиле», представляют сплав утилитарного и изобразительного, реалистического по форме и мифологического по содержанию. «Искусство «звериного стиля» явилось как бы зеркалом, отображающим опосредованные взаимоотношения людей с окружающей природой, восприятие человеком действительности как вечного поединка добра и зла» [4, 63-64].

Древний человек, не выработавший еще научной (в современном понимании) картины мира, не мыслил себя в отрыве от природы, он ощущал себя частью природы. Поэтому в образе предка того или иного рода или племени выступал какой-нибудь зверь или птица. «Не случайно так почитались у кочевников предметы с изображениями зверей или птиц, которые служили им в качестве талисмана или священного орудия» [4, 63]. Многочисленные изображения яков на предметах домашнего обихода, утвари, доспехах яркое тому подтверждение.

Собрав «осколки» представлений древних тюрков, запечатленные в различных артефактах культуры, Б. Канапьянов «инкрустирует» ими повесть. История о красивом, благородном, величественном животном, поддерживающим рогами встающее солнце – символ жизни – возвращает Б. Канапьянова к культурным истокам, к прошлому, без знания и без связи с которым он не мыслит будущего. Грустная и поучительная легенда о старом яке, который идет «по горной тропе умирать в долину смерти, что находится у берега озера жизни – синего Иссык-Куля» [1, 67], в поэтической форме передает квинтэссенция бытия, веру в неистребимость духа и вечность мироздания: «Но дух жив, ...он неистребим, он распадается и растворится туманом среди этих гор и среди этого озера» [1, 84]. Легенда объясняет вечный круговорот жизни-смерти: «Старый як последний раз подошел к воде священного озера и глотнул прозрачную влагу...

Где-то послышался печальный звук сазкарная, который слился с пронзительным и тягучим плачем кобыза.

Пополз вниз лавиной черный клубящийся туман, расплывалась неотвратимая, зловещая тень смерти.

Тучи и туман слились в единую всепоглощающую тьму, и в этой тьме огромные камни начали шевелиться, рождая грохот вокруг, покатались вниз, неся в своем падении былую душу умирающего яка.

Исчезли небо, исчезли горы. Весь мир превратился в непроницаемый мрак.

А озеро?

Оно вселяло жизнь в камни, растения и в самого яка, ибо несколько глотков оживляющей влаги возродили душу яка.

Как когда-то он своим молоком оживлял многих на этой благословенной земле, так и это озеро возродило в нем неистребимый дух, который крылатым конем устремился в небесную высь и там уже в образе облака вновь вернется на его высокогорную родину.

Поет сазкарнай,
Плачет кобыз,
Звучит комуз –
Жизнеутверждающий крик
Невидимой в небесах птицы» [1, 68].

Вкрапленная в текст повести легенда помогает писателю в осмыслении вечных вопросов жизни и смерти, бессмертия души.

Жизнь старого яка заканчивается на берегу вечного озера. Древний, как сама жизнь, Иссык-Куль, пожалуй, главный мифологический образ в повести Б. Канапьянова, без него невозможно понимание идеи произведения.

Высокогорное озеро, на фоне которого разворачивается история жизни солдата Квантунской армии Мияно Ясуши, который «...не произведя ни единого выстрела, попал в плен в августе 1945 года. Он был призван в японскую армию, хотя все время хотел учить людей светлому и прекрасному, что окружает его великий остров, Страну восходящего солнца...» [1, 8-9], становится не просто фоном, а полноправным «героем». Попав в плен, девятнадцатилетний безусый мальчишка вместе с соотечественниками – японскими военными – отправляется по этапу. Картины сурового сибирского ландшафта сменяются картинами теплой казахской степи, пейзажами «благословенного юга» [1, 14].

Первая встреча Мияно Ясуши с озером происходит в конце осени. В культуре многих народов мира осень ассоциируется с умиранием природы. Например, древнегреческий миф о Деметре – богине плодородия и земледелия, скорбящей по дочери Персефоне, похищенной богом подземного царства смерти Аидом, отражает извечную борьбу жизни и смерти [5, 181], а также представления древних греков о смене сезонов. Тенгрианский миф об огненном боге подземного мира Эрлике связан с древнетюркским культом поклонения этому божеству, которое проводилось раз в год, в конце осени [6, 11].

Для японского военнопленного осенний Иссык-Куль становится временем возрождения. Преодолев тысячи верст по бескрайним просторам Советского Союза, увидев смерть соотечественников, не переживших тягот этапа, мальчик-солдат попадает в Киргизию, на берег незамерзающего озера, где и находит спасение. Именно на берегу священного Иссык-Куля ему суждено познать тайну жизни-смерти, научиться «вживаться в природный ритм бытия» [1, 77], усвоить урок мудрого учителя Сабуро: «...сама природа учит нас... ценить мгновения земного бытия» [1, 77]. Именно к нему, к озеру он вернется через шестьдесят лет на закате жизни и осознает, что «настоящая свободная жизнь его была не здесь, на родине, а там, в далекой Тамге, вблизи небесного озера Иссык-Куль» [1, 119].

Место ссылки, ставшее местом спасения, поэтично описано Б. Канапьяновым: «Так Мияно Ясуши впервые увидел горное озеро Иссык-Куль. Не только увидел, но и плыл по нему, молясь всем своим синтоистским святым. Эти два-три часа он никогда и нигде не забудет. Мияно Ясуши, зажав в кулаке алюминиевую ложку с тремя звездочками на выпуклой стороне, которую подарил добродушный русский солдат еще в первые дни плена...пел после быстрого утреннего пайка, пел, плывя навстречу солнцу, вставшему из-за снежных вершин, пел о своей стране, где восходит такое же солнце, о видах Фудзи – утром, днем и вечером; ее вершина почти такая же, как вершины этих заснеженных гор слева и справа по побережью озера Иссык-Куль...

Мияно Ясуши пел, ибо знал и понимал, что в его только начинающейся жизни никогда не будет Сибири, с ее лютыми морозами и голодным существованием, не будет, потому что он никогда в своей жизни не возьмет в руки винтовку, чтобы убивать.

Мияно Ясуши пел, ибо знал и понимал, что жив, что он будет жить – благодаря этому солнцу, этому озеру, этим горам, этим чайкам, парящим над его головой» [1, 15]. Мастерски используя параллельную связь, писатель предлагает читателю послушать незамысловатую песню жизни японского юноши Мияно Ясуши, которая превращается в жизнеутверждающий гимн, песнь победы жизни над небытием.

В повести Б. Канапьянова тесно переплетены миф и современная история. Реальное историческое событие – голодомор 1915-1916 годов и связанная с ним история «приозерного люда», который «снявшись со своих мест и не совершив последнего поминального аса по усопшим, отправился по ту сторону небесных гор» [1, 41] – приобретает мифологическую окраску. История мальчика Меиркула и его сестры Айгуль [1, 39-42], которые потеряв всех своих родственников во время великого голода, совершают переход через горный перевал Кара-Сай, превращена писателем в миф о чудесном спасении детей: «На выступе невысокого предгорья, вцепившись намертво своими кручеными рогами, наклонив головы и качая ими из стороны в сторону, на фоне ясного холодного неба стояли два архара. Это был некий знак небес – во имя спасения мальчика Меиркула!» [1, 42].

Сцена спасения Меиркула отсылает читателя к мифу о Рогатой матери-оленихе – прародительнице рода бугу, от которой произошли современные киргизы. Древнекиргизское предание было записано еще в XIX веке Ч. Валихановым. Ч. Айтматов использовал его в повести «Белый пароход (после сказки)». «Эпическим языком» он рассказал чудесную историю спасения сирот маральей маткой, которая вскормила человеческих детей своим молоком, согрела их своим теплом и привела на новую родину – озеро Иссык-Куль, где их потомки и продолжают жить по сей день.

«Привела наконец Рогатая мать-олениха детей своих на Иссык-Куль. Стояли они на горе – дивовались. Кругом снежные хребты, а посреди гор, поросших зеленым лесом, насколько глаз хватает море плещется...

– Это и есть ваша новая родина, – сказала Рогатая мать-олениха. – Будете жить здесь, землю пахать, рыбу ловить, скот разводить. Живите здесь с миром

тысячи лет. Да продлится ваш род и умножится. Да не забудут потомки ваши речь, которую вы сюда принесли, пусть им сладко будет говорить и петь на своем языке. Живите, как должны жить люди, а я буду с вами и с детьми ваших детей во все времена...

Вот так мальчик и девочка, последние из киргизского племени, обрели себе новую родину на благословенном и вечном Иссык-Куле» [3, 228].

В айтматовском сказании о матери-оленихе слышатся интонации киргизского эпоса «Манас»: «Трубачи приготовились играть в боевые трубы – карнаи, барабанщики ударить в барабаны – добулбасы – так, чтобы тайга закачалась, чтобы птицы тучей взлетели к небу и закружились с гамом и стоном, чтобы зверь бежал по чащам с диким храпом, чтобы трава прижалась к земле, чтобы эхо зарокотало в горах, чтобы горы вздрогнули» [3, 224]. Ритм и музыкальность айтматовской фразы созвучны с народным эпосом: «О великая река Энесай! Если гору сбросить в твою глубину, канет гора, как камень. Если бросить сосну столетнюю, унесет ее, как щепку. Прими же в воды свои две маленькие песчинки – двух детей человеческих. Нет им места на земле. Мне ли тебе сказывать, Энесай? Если бы звезды стали людьми, им не хватило бы неба. Если бы рыбы стали людьми, им не хватило бы рек и морей. Мне ли тебе сказывать Энесай?» [3, 226].

Б. Канапьянов также обращается к истории спасения детей, но в отличие от Ч. Айтматова, он не просто вплетает легенду в ткань художественного произведения, а трансформирует ее, осовременивает, связывает с недавним прошлым – трагическими событиями начала XX века.

И для Ч. Айтматова и для Б.Канапьянова миф – это способ рассуждения о сущности человека, это способ говорить с читателем на «языке», впитавшем в себя древние культурные коды, это способ ретрансляции этих кодов, это связь с родной землей, с родным языком, с народом, это память о прошлом, это та фундаментальная и изначальная «конструкция», при помощи которой они организуют не только пространство текста, но и, что гораздо важнее, авторское миропонимание.

Мифы, легенды, вкрапленные в тексты произведений Ч. Айтматова и Б.Канапьянова, придают авторскому повествованию многоплановость и философскую углубленность, содержанию – многозначность, а изображению – стереоскопичность. Благодаря мифам и легендам произведения писателей воспринимаются как эпические сказания о современном мире и о современном человеке.

Литература:

1. Канапьянов Б.М. Тамга Иссык-Куля: Повесть, фотопоэма, стихи.- Алматы: Жибек жолы, 2010.- 224 с.
2. Айтматов Ч.Т. Плаха. ...И дольше века длится день. Романы.- Алма-Ата: Жалын, 1987.- 573 с.
3. Айтматов Ч.Т. Ранние журавли: Повести – Алма-Ата: Жазушы, 1988.- 416 с.

4. Пюрвеев Д.Б. Летящие кони солнечных дорог / Искусство стран Востока. Под ред. Р.С. Васильевского.- М.: Просвещение, 1986, С. 60-93.

5. Мифологический словарь. Под ред. Е.М. Мелетинского.- М.: Советская энциклопедия, 1990.- 672 с.

6. Бисембаев А.К. Мифы древних тюрков.– Алматы, 2007.